

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ЕРМАКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования гуманитарного факультета, Тюменский государственный университет (Тюмень, Российская Федерация)
ermakova25@yandex.ru

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА ПРОКОПОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования гуманитарного факультета, Тюменский государственный университет (Тюмень, Российская Федерация)
prokorpova.maya@yandex.ru

ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ: СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИИ В ТЕКСТЕ

Рассматривается проблема индивидуально-авторской трансформации фразеологических единиц, которая квалифицируется как окказиональная фразеологическая деривация. Создание окказиональных фразеоглизмов обусловлено коммуникативно-прагматическими задачами автора текста. Произведенный языковой анализ позволяет утверждать, что производная единица сохраняет деривационные связи с мотивирующим узуальным фразеоглизмом, а преобразовательные возможности фразеоглизмов зависят от структуры, семантики, образной основы производящего фразеоглизма, его способности/неспособности к грамматическим изменениям. Результаты исследования показывают, что уникальность отфразеологических окказионализмов позволяет создать эффект новизны, свежести восприятия проблемы, подчеркнуть эмоциональность, экспрессию. Наиболее яркие отфразеологические окказионализмы становятся востребованными, повторяются в языке других авторов и, как следствие, постепенно входят в лексико-фразеологическую систему русского языка.

Ключевые слова: неологизация, отфразеологический окказионализм, агглютинация, отфразеологическое словообразование

Анализируя неологизацию как языковое и речевое явление и неологизмы как единицы языка и речи, нельзя не разграничивать их с окказиональными словами. Термином «окказиональное слово» обозначаются все речевые новообразования независимо от способа их образования и отношения к словообразовательной системе языка. Окказиональные слова присущи только определенному контексту, они создаются одномоментно для определенного текста, для речевого акта. Исходя из такого понимания новое в языке квалифицируется как неологизм, новое в речи – как окказионализм. Создание и употребление окказиональных единиц разных уровней является одной из возможностей создания экспрессии, она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что, в свою очередь, приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом.

Фразеологическим единицам (ФЕ) также не чуждо явление окказиональности, которое квалифицируем как явление окказиональной фразеологической деривации. В результате образуются окказиональные варианты и окказиональные фразеоглизмы, соотносимые со своей деривационной базой – узуальными ФЕ. Под окказиональным фразеоглизмом понимаем фразеоглизм, претерпевший структурно-семантические или семантические трансформации, обусловленные коммуникативно-прагматическими задачами автора текста, сохранившие деривационные связи с мотивирующим фразеоглизмом [4].

Особенно часто ФЕ подвергаются индивидуально-авторской трансформации в текстах художественных произведений. Потенциальные возможности преобразований фразеоглизмов зависят от структурно-семантических особенностей ФЕ, их образного характера, специфики внутренней формы, расчлененности грамматической структуры. Одна из основных причин использования языковых единиц-трансформов в художественном тексте заключается в том, что «преобразование фразеоглизмов позволяет вернуть эффект неожиданности и свежесть восприятия, вновь выделить устойчивые образные выражения в контексте обыденной речи» [5]. Наиболее яркие отфразеологические окказионализмы становятся востребованными, повторяются в языке других авторов, таким образом постепенно входят в лексико-фразеологическую систему русского языка.

Вслед за Н. М. Шанским, А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко называют два типа индивидуально-авторских преобразований: семантические и структурно-семантические. Каждый тип преобразований включает в себя различные приемы. На наш взгляд, одним из активных структурно-семантических преобразований является агглютинация. Под агглютинацией в сфере фразеологии понимаем способ образования слов на базе фразеоглизмов, при котором происходит механическое соединение не соединяемых в свободном употреблении двух (или более) компонентов фразеоглизма в одно целое: *литъ воду* →

водолей, закидать шапками → шапкозакидательство, трепать нервы → нервотрепка, сосать кровь → кровосос, щипать душу → душешипание, лизать блюдо → блюдолиз, испускать бумагу → бумагоиспускание [3: 212]. На первый взгляд, процесс агглютинации напоминает сложение или сращение (способы словообразования), так как «при образовании производного слова на базе фразеологизма компоненты “приклеиваются, склеиваются” и превращаются в морфему в составе новообразования». Но все же отличие агглютинации весьма существенно: «компоненты фразеологизма только фонетически отражают связь со словом, так как в составе фразеологической единицы они преобразовались, но не сохранили того лексического значения, которое было свойственно им, когда они были самостоятельными лексемами; следовательно, они утратили и свойство самостоятельного слова называть предметы, действия, признаки, явления и т. д. в отличие от сложных слов, которые образуются при соединении самостоятельных лексем». При этом «структура производного слова остается прозрачной, границы морфем отчетливо видны, на стыках морфем не возникает, как правило, значительных звуковых изменений, а возникшие носят единичный характер» [4: 265–266].

Производную лексему, появившуюся в результате агглютинации, квалифицируем как отфразеологический окказионализм – неизуальную речевую лексическую единицу, образованную на базе ФЕ, созданную говорящим одновременно под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом – для выражения смысла, необходимого в данном случае [4].

Такого рода новации особенно востребованы в художественной литературе, публицистике. Их уникальность позволяет создать эффект новизны, свежести восприятия проблемы. Более того, окказиональная лексема может стать отправной точкой для формирования образной системы всего текста, делая его запоминающимся и оригинальным.

Так, интересно проследить рождение и существование в русском языке окказиональной отфраземной лексемы *какбычегоневышилисты*. В основе окказиональной лексемы лежит крылатая фраза, ставшая фразеологизмом, *как бы чего не вышло*, которая «восходит к “Современной идиллии” М. Е. Салтыкова-Щедрина, где чиновники хором твердят: “Как бы чего не вышло!” Широкую популярность обороту принесло его употребление А. П. Чеховым» [11]. Действительно, главный герой рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» учитель Беликов крайне мнителен и осторожен во всем, жизнь его ограничена правилами и запретами, и эту ограниченность он распространяет на окружающих его людей: «Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь. <...> В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда в городе раз-

решали драматический кружок, или читальню, или чайную, то он покачивал головой и говорил тихо: – Оно, конечно, так-то так, всё это прекрасно, да **как бы чего не вышло**».

Значение данного выражения определяется в словарях следующим образом: «о поведении и принципе жизни трусливого и нерешительного человека» [11], «иронический комментарий к поведению робкого, “забитого”, излишне осторожного человека» [12].

Выражение *как бы чего не вышло* выступило в качестве производящей базы для слов *какбычегоневышилизм* и *какбычегоневышилист*.

В. П. Изотов считает, что способ словообразования, имеющий здесь место, – «голофразис в комбинации с апокопой и суффиксацией» [7], Е. А. Земская квалифицирует подобные образования как слияние [6].

Впервые в художественной литературе слово **какбычегоневышилист** встречается в стихотворении Н. И. Глазкова «Пароход четвертый», написанном в 1943 году: «*Какбычегоневышилисты и прочие дурни // В литературе заботились лишь об одном: // Чтоб уровень стихов не превысил уровня // Хлебных, продуктовых и прочих норм*» [1]. Стихотворение изображает мироощущение военной эпохи не с традиционной героической его стороны со свойственным времени высоким патриотическим пафосом, а с позиции очень личного (если не сказать – бытового) патриотизма и очень личного же отношения ко всем происходившим тогда событиям. Война для поэта – время потерь: «*Все переменились и стали не те мы: // На фронте – потери, в тылу – потери*», а кажущаяся упрощенность и сниженность оценок: «*...было трудно: водки и хлеба // Населению не хватало*», – на самом деле объясняется безыскусственностью восприятия реальности, пронзительной искренностью и прямодушием: «*Война грохочется, // Все еще ворочаясь, // Мне очень хочется, // Чтобы закончилась*». С точки зрения Н. Глазкова, во времена потерь людей могла бы поддержать литература, не только официальная, но и та, что не воспевает, по его выражению, «знамен кармин», но чиновники от искусства следят, чтобы и стихи «выдавались» населению на уровне «хлебных, продуктовых и прочих норм». *Какбычегоневышилисты* в данном контексте – те, кто живет в соответствии с принципом «как бы чего не вышло», те, кто отнимает у людей, лишенных хлеба, еще и свободное слово, те, чья излишняя осторожность приводит во времена потерь к еще большим потерям, совершиенно в этом случае не оправданным. Поэтому *какбычегоневышилисты* откровенно поставлены автором в один ряд с «дурнями».

Наряду со словом, обозначающим людей – носителей определенного образа мыслей, в публицистических и художественных текстах появляется слово, обозначающее целое явление, – *какбычегоневышилизм* (по аналогии: капиталисты – капитализм, нигилисты – нигилизм). По наблюдениям Е. А. Земской, оно произвучало у Е. Евтушенко уже «в 1971 году в речи

на V съезде писателей СССР: «...мы выбьем из трапезы искусства окопавшуюся там сейчас серость, трусливость, **какбычегоневышлиизм**» [6].

Оба окказионализма присутствуют и в стихотворении Е. Евтушенко с аналогичным названием, опубликованном в газете «Правда» в сентябре 1985 года: «Пока доказуются истины, // рушатся в никуда // **какбычегоневышлистами** высасываемые годы... // **Какбычегоневышлиизмом**, // как засухой, столько выжгло» [2]. Стихотворение, остротиристическое по своему содержанию, написано в стилистике В. Маяковского, и потому неудивительно, что Евтушенко, и без того склонный в течение всей своей творческой жизни к продолжению традиций В. Маяковского, обращается к характерным для этого поэта приемам словотворчества. Кроме того, совершенно очевидно, что Е. Евтушенко был знаком с произведениями Н. Глазкова, составителем сборника стихов которого он выступил в 1989 году, и, конечно, цепляющее слово *какбычегоневышлисты* не могло пройти мимо него. Кстати говоря, впервые употребляя это слово в тексте, поэт закавычивает его, тем самым подчеркивая более раннее (вне данного текста) происхождение окказионализма: «*Но есть алкоголики трусости // – особая категория. // «Какбычегоневышлисты» // – по образному словцу*» [2].

Впрочем, у Е. Евтушенко была собственная версия авторства данного слова. В интервью «Высказанная мысль – это тоже поступок...», взятом у поэта Александром Ольбиком в Риге все в том же 1985 году, приводится следующее его высказывание: «К написанию стихотворения “Какбычегоневышлисты” я долго готовился. Это не мое слово – это сказал Ленин: “Какбычегоневышлиизм”. Как известно, у Ленина вообще очень много интересных неологизмов. Это слово я употреблял в своих выступлениях – в том числе на съездах писателей, на различных собраниях. Это определение уже давно звучит во мне и служит уничтожительным ярлыком для всех трусов, перестраховщиков. И мне захотелось его реставрировать, поэтому я и расшифровал его в развернутом виде в стихотворении. Очень важно написать о явлении, которое видят все, но которое никто не затрагивает. Понимаете? “Какбычегоневышлисты” вовсе не заказ какого-то конкретного человека или какой-то редакции – это заказ времени, который висел в воздухе» [10].

Нельзя не заметить, что в произведении Е. Евтушенко окказионализм приобретает новый оттенок значения. *Какбычегоневышлиизм*, слово с характерной формой, обозначает здесь не просто стиль жизни отдельных людей, а масштабное общечеловеческое явление, сопоставимое с такими нравственными категориями, как добро и зло, правда и ложь, милосердие и равнодушие, берущее начало в давние времена, от Архимеда, который просил точку опоры и которому «не дали этой точки: // “Кабы чего не вышло”...», продолжающееся в эпоху, когда «в колеса вставляли палки первому паровозу», и благополучно дожившее до современности с ее электрическим светом и кибернетикой. Намеренно гипертрофируются масштабы как послед-

ствий этого явления (*«Какбычегоневышлиизмом, // как засухой, столько выжгло»*), так и попытки с ним бороться (*«Кулаком по земному шару // Архимед колотил, как всевышний»* [2]).

С другой стороны, Е. Евтушенко, как и Н. Глазков, низводит какбычегоневышлистов до уровня «прочих дурней», окружая их собирательный образ атрибутами кондового бюрократизма и приземленной обывательщины: *«графины с водою»*, которые *«побулькивают по-алкашески»*, самовар, который *«весь от сомнений кипит»*, *«сытое и мордовитое»* ворчание. Активно Евтушенко использует здесь сниженную лексику: *«по-алкашески, словесная бормотуха, прет кипяток, разговорный фразеологизм тамбовский волк* и трансформированные фразеологические единицы: *«волокитовая шкатулка, рыцари долгого ящика* и др. Стремление к снижению образа и более четкой нравственной оценке явления приводит к появлению еще одного окказионализма – *«какбычегоневышлистики*: *«Я приветствую время, когда по законам баллистики // из кресел летят вверх тормашками – // “какбычегоневышлистики”»* [2]. Использование суффикса *-истик-* придает значению образованного окказионализма оттенок пренебрежительности, презрения. Нельзя также исключить и важности для автораозвучия слов – узуального и окказионального: *политик – какбычегоневышлитик*. Упоминаемые *кресла и кабинеты* (*«из кресел летят вверх тормашками»*; *«Великая Родина наша, // из кабинетов их выставь»*) в данном контексте выступают атрибутами высокой должности, атрибутами политика. Но политик-какбычегоневышлитик – это человек власти, употребляющий эту власть не во благо, политик-консерватор.

В этой связи интересно рассмотреть функцию появления в тексте окказионаизма *Какбычегоневышлистенко*: *«...и подсекала под корень // измученный колос лысенковщина, // и квакать учились курицы, // чтоб не попасть под налог. // В лопающимся френче // **Какбычегоневышлистенко**, // сограждан своих охраняя от якобы вредных затей, // видел во всей кибернетике лишь мракобесье и мистику // и отнимал компьютеры у будущих наших детей»*. В данном фрагменте речь идет о ряде политических кампаний, направленных против исследователей-новаторов, которые имели место в советскую эпоху. В частности, поэт говорит о лысенковщине – гонениях на ученых-генетиков, которые связывались с именем Т. Д. Лысенко, создателя лженуки «мичуринской биологии», хотя в переносном значении термин «лысенковщина» сегодня используется для обозначения любого административного преследования за передовые научные взгляды. Можно сделать вывод, что окказиональная фамилия *Какбычегоневышлистенко* составлена на основе окказионализма *какбычегоневышлист* с оглядкой на фамилию Лысенко как мифологизированного исторического лица. Такая деталь, как френч, в который, по воле автора, облачен персонаж, тоже вполне объяснима: по некоторым предположениям, к организации гонений ученых были причастны государственные

деятели, в том числе и сам И. В. Сталин. В строке: «*видел во всей кибернетике лишь мракобесье и мистику*» прочитывается ссылка на известную своим заголовком статью Михаила Ярошевского «Кибернетика – “наука” мракобесов», напечатанную 5 апреля 1952 года в «Литературной газете». Ссылка эта призвана указать на вполне конкретный случай проявления в целом вневременной и вненациональной проблемы. И хотя противодействие советского государства развитию кибернетики, которое якобы затормозило продвижение электронных технологий в нашей стране, сегодня признано одним из исторических мифов, у Е. Евтушенко эта аллюзия, так же как упоминание «Мастера и Маргариты», Маяковского, Гагарина и Филонова, работает на раскрытие основной идеи произведения. Кроме того, перечисленные персоналии демонстрируют извечное противостояние творческой личности (названы реально существовавшие люди, внесшие свой вклад в развитие культуры и цивилизации) какбычегоневышистам, консерваторам, имеющим в стихотворении собирательный шаржированный облик и подчеркнуто вымышенные имена – Петр Сомневалыч и *Какбычегоневышистенко*.

Нельзя не обратить внимание также и на то, как обыгрывает Е. Евтушенко значение входящего в состав исходной фразеологической единицы компонента «выйти». В состав фразеологизма *как бы чего не вышло* глагол *выйти* входит со значением «произойти, случиться, получиться как следствие чего-либо» (ср.: *как бы чего не случилось*). Евтушенко же использует это слово и с другим его значением: «получиться в результате работы»: «*Есть люди, // всю жизнь положившие // чтобы хоть что-нибудь вышло, // и трутни, // чей труд единственный – чтобы не вышло ничего*». Таким образом, фразеологическая единица *как бы чего не вышло* опосредованно переживает семантическую трансформацию (как бы чего не было создано), и тем самым, соответственно, другое значение сообщается и образованным от нее окказионализмам: *какбычегоневышисты* – это не только люди, живущие в страхе от всего нового, но и люди, активно противодействующие созиданию и творчеству.

Подытоживая вышеизложенное, позволим себе не согласиться с Игорем Милославским, который пишет: «К сожалению, не становится общеупотребительными словами русского литературного языка и полезные словесные изобретения наших выдающихся деятелей культуры. Евтушенковское *какбычегоневышисты* умерло при рождении по многим причинам. Слишком длинно, во-первых. Опора на прецедентный текст из “Человека в футляре” А. П. Чехова, а значит, отсутствие уверенности стопроцентной узнаваемости критической массой носителей русского языка, во-вторых. А главное – нет познавательного открытия, поскольку называет то, для чего уже есть *перестраховщики, боящиеся ответственности, не готовые рисковать, бездеятельные трусы*» [9]. С нашей точки зрения, сам поэт не опасается «внутренней конкуренции»

использованных для создания художественного эффекта средств, пожалуй, даже стремится достигнуть своеобразного словаобразовательного излишества: «*И, отвергая всё новое, откладыватели, непущатели:* “Это беспрецедентно!” – грозно махали печатями». Как видим, Евтушенко ставит центральный окказионализм рядом с не менее яркими и экспрессивными словами: *откладыватели, непущатели*, несущими большую образную нагрузку, но тем не менее они не затеняют необычность формы отфраземной лексемы: лексема *какбычегоневышисты* сохраняет внутри произведения приоритет оригинальности, задает тон, выступает своего рода стержнем, на котором держится вся художественная конструкция стихотворения, объединяет и выстраивает все прочие изобразительно-выразительные средства языка (типа *алкоголики трусости*) в единую систему. Подобное явление, как отмечают исследователи, было характерно не только для Е. Евтушенко, но и для поэтики всех шестидесятников, в чьей среде, собственно, он и сложился как поэт: «В поисках усиления публицистической экспрессии у “шестидесятников” шлифовалось искусство афористической, хлесткой фразы, высокую цену приобретало акцентное слово – слово-клеймо, слово-ярлык, слово-эмблема» [8]. *Какбычегоневышисты* является именно таким словом-клеймом, призванным обратить внимание на социальное явление, дать ему точную оценку, заставить запомнить.

Кроме того, по нашим наблюдениям, окказионализм *какбычегоневышисты* вовсе не «умер при рождении», а занял свою нишу в публицистике, в различного рода медиатекстах и особенно в высказываниях на интернет-форумах, например: «<...> Вот господа “*кабычегоневышисты*”, разрешившие эту затею, и перестраховались: если не получится – ущерб державе невелик» (Сегодня № 86 (838) за 17.04.2001; режим доступа: <http://www.segodnya.ua/oldarchive/c2256713004f33f5c2256a30003eaa4.html>); «<...> в условиях надвигающегося мирового кризиса <...> нужно было придумать некую страшилку <...> его пальчики в базе и как бы чего не вышло (так называемые “*какбычегоневышисты*”») (режим доступа: <https://charter97.org/ru/news/2010/4/21/28311/comments/>); «Такие вот работающие консервативные “*кабычегоневышисты*” и обеспечивают ту стабильную стагнацию, которую мы сейчас здесь имеем» (режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26417.7/3290645/>). Поэтому более справедливым кажется нам мнение Е. А. Земской по данному поводу: «Словечко *какбычегоневышизм*, видимо, семантически значимо для нашей эпохи. <...> Это существительное используется неоднократно; возможно, оно перейдет в разряд обычных слов языка» [6].

Возможно, окказионализмы *какбычегоневышизм*, *какбычегоневышисты* и не войдут в активный словарный запас современных носителей языка, однако благодаря их появлению в социально и культурно значимых художественных текстах они узнаваемы, употребительны и в целом вполне востребованы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 129.

² Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Сост. В. Серов. М., 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазков Н. И. Избранное / Сост. и науч. подгот. текста Н. Старшинова и Евг. Евтушенко. М., 1989. 541 с.
2. Евтушенко Е. Кабычегоневышлисти // Правда. 1985. 9 сентября. № 252 (24509).
3. Ермакова Е. Н. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке: причины, условия, механизм // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 206–214.
4. Ермакова Е. Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии современного русского языка: Монография. Тюмень, 2009. 414 с.
5. Ермакова Е. Н., Прокопова М. В. Трансформация фразеологических единиц как языковая стратегия массовой литературы (на материале цикла Б. Акунина «Нефритовые четки») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 271–281.
6. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 2007. 224 с.
7. Изотов В. П. О принципах составления словаря окказионализмов Николая Глазкова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-printsipah-sostavleniya-slovarya-okkazionalizmov-nikolaya-glazkova> (дата обращения 12.03.2016).
8. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: В 3 кн. М., 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nnre.ru/literaturovedenie/sovremennoj_russkaja_literatura_1950_1990_e_gody_tom_2_1968_1990/p1.php (дата обращения 12.03.2016).
9. Молосавский И. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет // Знамя. 2006. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/3/mi14.html> (дата обращения 12.03.2016).
10. Ольбик А. «Высказанная мысль – это тоже поступок...» // Ностальгические хроники. М., 1985 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://det.lib.ru/o/olbik/naeshafotchtobydoc.shtml> (дата обращения 12.03.2016).

Ermakova E. N., Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev
(Branch of Tyumen State University) (Tobolsk, Russian Federation)

Prokopova M. V., Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev
(Branch of Tyumen State University) (Tobolsk, Russian Federation)

PHRASEOLOGICAL OCCASIONALISMS: THEIR TEXT FUNCTIONS AND WAYS OF FORMATION

The article deals with the problem of the author's individual transformation of phraseological units, which is regarded as an occasional phraseological derivation. Occasional phraseological units are determined by the communicative and pragmatic goals pursued by the author of the text. A conducted linguistic analysis suggests that a derivative unit retains derivational connections with the motivational phraseological unit. Transformative possibilities of phraseological units depend on the structure, semantics, figurative meaning of produced phraseologies, and their ability/inability to grammatical changes. According to the results of the research, unique phraseological occasionalisms are assistive in the creation of the effect of novelty and freshness of the problem perception. It also emphasizes emotiveness and expression. The most striking phraseological occasionalisms, due to their popularity, are used in the language of other authors, and, as a result, gradually become part of the lexical-phraseological system of the Russian language.

Key words: neology, phraseological occasionalism, agglutination, phraseological word-formation

REFERENCES

1. Глазков Н. И. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, 1989. 541 p.
2. Евтушенко Е. I wish for nothing bad to happen [Kabychegonevyshlisty]. *Правда*. 1985. 9 сентября. № 252 (24509).
3. Ермакова Е. Н. Word Formation Derived from Phraseological Units in the Contemporary Russian Language: Reasons, Conditions, and Mechanism [Otfrazeologicheskoe slovoobrazovanie v sovremennom russkom jazyke: prichiny, usloviya, mehanizm]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. № 2. P. 206–214.
4. Ермакова Е. Н. *Frazo- i slovoobrazovanie v sfere frazeologii sovremennoj russkogo jazyka* [Word and Phrase-formation in the Field of Phraseology in Modern Russian Language]. Tyumen, 2009. 414 p.
5. Ермакова Е. Н., Прокопова М. В. Transformation of Phraseological Units as a Language Strategy of the Mass Literature (On the Basis of “Jade Beads” by B. Akunin) [Transformatsiya frazeologicheskikh edinits kak jazykovaya strategiya massovoy literatury (na materiale tsikla B. Akunina “Nefritovye chetki”)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. № 3. P. 271–281.
6. Земская Е. А. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an active process]. Moscow, 2007. 224 p.
7. Изотов В. П. About Principles of Complying the Dictionary of Occasionalisms by Nicolai Glazkov [O printsipakh sostavleniya slovarya okkazionalizmov Nikolaya Glazkova]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2012. № 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-printsipah-sostavleniya-slovarya-okkazionalizmov-nikolaya-glazkova> (accessed 12.03.2016).
8. Лейдерман Н., Липовецкий М. *Sovremennaya russkaya literatura: V 3 kn.* [Modern Russian Literature]. Moscow, 2001. Available at: http://www.nnre.ru/literaturovedenie/sovremennoj_russkaja_literatura_1950_1990_e_gody_tom_2_1968_1990/p1.php (accessed 12.03.2016).
9. Молосавский И. The Russian language as a cultural and an intellectual value and as a school subject [Russkiy jazyk kak kul'turnaya i intellektual'naya tsennost' i kak shkol'nyy predmet]. *Znamya*. 2006. № 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/3/mi14.html> (accessed 12.03.2016).
10. Ольбик А. “A thought spoken aloud is also a brave act...” [“Vyskazannaya mysl’ – eto tozhe postupok...”]. *Nostal'gicheskie khroniki*. Moscow, 1985. Available at: <http://det.lib.ru/o/olbik/naeshafotchtobydoc.shtml> (accessed 12.03.2016).